

Том первый

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ВСТРЕЧИ

ПРИШЕСТВИЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО КОНСТРУКТОРА

Том второй

ДЕТИ ВЕЧНОСТИ

КОНТРРАЗВЕДКА

ЗАКОН ПЕРЕМЕН

Том третий

АБСОЛЮТНЫЙ ИГРОК

МЕГАМОРФ

Василий Головачёв

ХРОНИКИ РЕЛИКТА

Том третий

АБСОЛЮТНЫЙ ИГРОК

МЕГАМОРФ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г61

Разработка серии А. Саукова, Н. Плутахина

Иллюстрация на обложке художника Н. Плутахина

Головачёв, Василий Васильевич.

Г61 Хроники Реликта. Том третий. Абсолютный игрок. Мегаморф / Василий Головачёв. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 992 с. — (Хроники Реликта).

ISBN 978-5-699-94121-6

Перед вами полные Хроники Реликта — настоящий гимн человеческому разуму, духу и сердцу! Грандиозное космическое полотно, превосходящее по масштабу и драматизму все современные произведения о космических путешествиях и контактах с внемным Разумом!

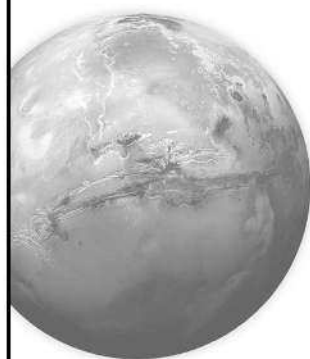
После очередного внезапного фундаментального изменения Вселенной, превратившейся в бесконечную плоскость, за жизнь начинают бороться потомки файверов — Влад Велич, кладоискатель и ратный мастер, и его сын Ясен, достигший уровня мегаморфа — оператора Вселенной. Их выбор, их судьба станут судьбой и всего человечества, и всего метagalacticкого домена...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94121-6

© Головачёв В.В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

АБСОЛЮТНЫЙ ИГРОК

Книга I

КЛАДБИЩЕ ВСЕЛЕННОЙ

За нашей спиной
Остались
падения,
закаты.
Ну хоть бы ничтожный,
ну хоть бы
невидимый
взлет!

В. Высоцкий

Часть первая

КОСМОРИУМ. ВЛАД И ГОРАН

ПОГРАНЗАСТАВА

Прежде чем сменить дежурного на посту в коконе обсерватории, он всегда заходил в зал визинга, чтобы почувствовать космос напрямую, не через системы датчиков и сигнализирующих устройств. Погранзаства была установлена в этом глухом уголке метagalактического домена более тысячи лет назад, когда человечество расселялось по звездам бурными темпами и верило в свое божественное предназначение, в судьбоносность цивилизации и вседозволенность отдельных ее представителей. Потом пришел Звездный Конструктор и показал людям их место в Мироздании, иные возможности, способы обработки информации, цели бытия и логику, недоступную гордому и заносчивому виду хомо сапиенс. Он захватил сотни людей во время долгой спячки, превратив их в своих верных рабов, съел половину Марса, породы которого использовал для роста плоти в период созревания, ушел, через сто с лишним лет вернулся обратно, как возвращается домой блудный сын после долгих скитаний по миру, нечаянно «почистил» Солнечную систему, едва не уничтожив ее во время визита, и снова ушел, теперь уже на полсотни лет. А потом началась странная и страшная Война Законов — отголосок великой Игры Универсума с самим

собой, и Конструктор, ставший к тому времени одним из Игроков-Метавселенных, вернулся к Солнцу, на этот раз по просьбе землян.

Война шла вовсю, на всех уровнях, от социума до физических принципов бытия, ходы Игроков воспринимались человечеством как вторжение Фундаментального Агрессора, попытка уничтожения цивилизации, и незнание законов Игры сделало людей заложниками своих собственных внутренних законов восприятия реальности. Они начали сопротивляться, чтобы выжить, хотя силы были, конечно, далеко не равны. Просачивание во Вселенную — метagalактический домен, представлявший собой одну «клетку» организма Универсума, — чужих Законов, в физическом плане имевших вид не уничтожимых никакими способами «колючек», названных нагуалями, приняло необратимый характер.

Катастрофа произошла не внезапно, ее ждали. Солнечная система зарастала «колючками чертополоха» иной реальности в течение многих месяцев, пока они не превратились в непроходимые заросли, а когда размеры нагуалей, этого Абсолютного Ничто, или, как говаривали ученые, «квантово-тоннельных ушей вакуума иной топологической структуры, торчащих в вакууме родного домена», достигли размеров космических объектов, «впаянных» в пространство, планеты Системы начали разбиваться о них одна за другой.

Сначала погиб Юпитер, самая большая планета Солнечной системы, так и не достигшая стадии звезды. За ее кончиной наблюдали миллионы людей на всех обитаемых телах Системы, в поселениях человечества у других звезд, где картина сотрясения Мироздания была не менее страшной, с армады космофлота и разного рода космостанций. Юпитер, шествуя по орбите вокруг Солнца, наткнулся на гигантский сросток нагуалей и стал разваливаться на три части, как обыкновенный ком снега, всего за три часа превратившись в метано-водородные, с вкраплениями воды и твердых частиц размером от метра до тысячи километров, струи-языки, окутанные постепенно замерзающей атмосферой. Клокотание раздираемого гиганта, сопровождавшееся колоссальной силы взрывами, световым и тепловым излучением, длилось еще долго, однако планетой Юпитер быть перестал.

Та же участь постигла его собратьев по внешнему поясу: Сатурн, Нептун, Уран, Плутон (его спутника Харона к тому времени уже не существовало). Внутренние планеты Марс, Венера и Меркурий пострадали сравнительно меньше, а вскоре подошла очередь Земли, и без того полуразрушенной столкновениями с нагуалями, пронизывающими, простреливающими ее насквозь.

Колыбели человечества в какой-то мере «повезло»: ее попытались затормозить, и нагуаль не разодрал Землю, не раздробил на части, как большинство планет Системы, а всего лишь сплющил в лепешку с бахромчатыми краями. Земля наткнулась буквально на стену нагуалей и превратилась в подобие библейской полусферы, разве что покоящейся не на трех слонах, китах и черепахах, а на невидимом, сверхтвердом, колючем основании чужой реальности. Людей к тому времени на ней оставалось еще много, далеко не все земляне успели переселиться к новому светилу, желтой звезде такого же класса, что и Солнце, в рассеянном звездном скоплении Гиады, расположенном в созвездии Тельца. Планету для переселения готовили спешно, и при массовой эвакуации огромного количества землян произошло немало катастроф и несчастных случаев, унесших миллионы жизней. Однако теперь у людей была другая родина, которой не грозила участь Земли, и жизнь продолжалась, хотя и по новым законам и в соответствии с новыми биологическими ритмами.

Родное Солнце человечества уцелело, хотя все его ритмы и колебания, естественно, нарушились, а в излучении появились ранее отсутствующие спектральные линии.

Звезды продолжали светить, хотя многие из них разбились о нагуали и погасли, но они были так далеки от Земли, что свет их еще летел через пространство Галактики, и небо над успокоившейся, переставшей вращаться и двигаться вокруг Солнца линзой Земли темнело постепенно, по мере того, как умирали лучи звезд. Правда, переселившееся человечество видеть этого не могло. Связь с бывшей родиной после разрушения системы метро — мгновенного транспорта — практически прервалась. Во всяком случае, для большинства людей. На многие сотни лет уцелевшие земляне остались предоставленными сами себе.

Наступил мир. Фундаментальный Агрессор (ФАГ), то есть один из Игроков, сумевший изменить физические законы существования метагалактического домена, в котором жили люди, покинул его. Этим игроком оказался Конструктор, питавший к роду хомо сапиенс нечто вроде сыновней признательности. Он сделал свой ход, закончивший войну, нагуали постепенно прекратили расти, увеличиваться в объеме, пространство-время перестало «шататься» под натиском чужих Законов, космос успокоился, но через некоторое время люди, уцелевшие после катастрофы на Земле-2, или Гее, обнаружили Стенки, ограничивающие часть Метагалактики, которая была повреждена вторжением ФАГа. Стенки образовали

нечто вроде колоссального аквариума, внутри которого оказалась и Галактика с системой Сола, как называли звезду, заменившую Солнце. Пробриться сквозь них наружу, в глубины домена, людям не удалось. А вскоре они перестали обращать на Стенки внимание, занятые проблемой выживания цивилизации. Лишь погранзаставы, автономные, почти не нуждающиеся в снабжении станции, созданные погранслужбой человечества еще во времена войны с ФАГом, продолжали нести свою службу, наблюдать за изменившимся космосом и границами «аквариума», получившего название Космориум. Но обитатели погранзастав делали это неохотно, зачастую не выполняя возложенные на них обязанности, просто используя удобные, достаточно комфортабельные станции в качестве обычного жилья.

Такой самостоятельной технической системой была и погранзаства «Сокол», на которой проживала семья пограничников: четверо мужчин и три женщины. Их вахта началась всего полгода назад, и наблюдать за Вселенной им еще не наскучило...

Иштван Кара очнулся.

Он стоял посреди зала визинга погранзаставы, представлявшего собой небольшой прозрачный купол с черным полом, и как замороженный смотрел на две яркие звезды в зените, похожие на чьи-то внимательные глаза. Погранзаства «Сокол» располагалась не в соседней с Солом звездной системе и даже не в соседней Галактике, свет отсюда добирался бы до Геи полтора миллиарда лет, поэтому ни о каком знакомом рисунке созвездий речь не шла. Станцию строили на спутнике небольшой желтой звезды, безводном и безатмосферном, хотя он и имел запасы льда и замерзших газов; сила тяжести на этой малой планетке составляла лишь десятую долю земной, что не доставляло неприятных ощущений обитателям станции, внутри которой поддерживалась нормальная сила тяжести.

Звезда в настоящий момент скрывалась под полом визинга, и это позволяло видеть другие звезды, количество которых уменьшалось с каждым часом, и Стенку Космориума, разделявшую видимый космос на две части. Но если у человека от слова «стена» возникала определенная ассоциация, вызывающая в памяти образ кирпичной, каменной или деревянной стены, то Стенка Космориума больше походила на земное северное сияние, на бесконечную волокнистую вуаль, сотканную из багрово светящихся паутинок и жилок, и казалась ненадежной, хрупкой, пушистой, полупрозрачной, легко преодолимой. На самом же деле пробить ее, проникнуть сквозь Стенку в глубины домена не смог ни один земной корабль,

в том числе и звездолеты «струнных» видов. Их просто выворачивало обратно, словно Стенка действительно была односторонней поверхностью, как предположили ученые еще сотни лет назад. Не реагировала она и на энергетическое воздействие и локальное изменение топологии вакуума, не говоря уже об оружии попроще, созданном на основе применения пучков частиц высоких энергий и силовых полей. Стенки Космориума оказались «абсолютным препятствием», что ясно указывало на их предназначение: закапсулировать поврежденную нагуалями часть метагалактического домена и «не пущать заразу чужих Законов» за ее пределы, где экспансия иной реальности не приобрела еще «масштабов летального исхода».

Теперь люди знали, что часть ограниченной Конструктором Вселенной была велика, но все же конечна, и это давало некую надежду на «исцеление» ее поврежденного органа, на нейтрализацию «колючек» и в конечном итоге на очищение пространства от нагуалей. Однако шли годы, десятки лет, столетия, а проблема уничтожения нагуалей не решалась. Человечество не росло в интеллектуальном отношении, едва не растеряло доставшиеся по наследству научные и культурные достижения, но тем не менее уцелело, понемногу пришло в себя и к десятому веку после катастрофы достигло уровня двадцать третьего века новой эры, хотя по календарю шел уже три тысячи триста тридцать девятый год от рождения Христова.

Численность человечества к этому моменту достигла четырех миллиардов, большинство из которых расположилось на Гее, превратив планету в гигантский технологический муравейник, а остальные освоили две небольшие планеты, вращающиеся вокруг Сола, связав их системой метро. К счастью, люди не разучились строить сооружения, способные без их вмешательства поддерживать жизнедеятельность сотни и тысячи лет.

Сумерки цивилизации понемногу отступали. Появились новые гениальные исследователи, творцы, создатели технологий и произведений искусства, человечество стало подумывать об экспансивном завоевании космоса, заросшего нагуалями, но все же пригодного к использованию и заселению. Вот только репродуцировать людей с паранормальными способностями оно почти перестало. Паранормы, или интраморфы, как их называли, рождались все реже и реже. Возможно, поэтому решение проблемы очистки космоса от «мха» нагуалей было все так же далеко. Космориум продолжал медленно умирать. Звезды, натываясь на сверхпрочные нити

нагуалей, взрывались, гасли, отвердевали, планеты постепенно теряли тепло, остывали, разрушались, превращались в мертвые каменно-металлические обломки, в скопления камней и льда, в пылевые густки и пояса.

Среди тех, кто пытался спасти цивилизацию во время войны с ФАГом, а потом поднять ее до былых высот, были не только работники спецслужб человечества, защитники, безопасники, спасатели, пограничники, но и ученые, предложившие свои методы выживания и развития уцелевшего вида хомо сапиенс. Часть из них отстаивала концепцию неоплатонической космогонии: Мироздание поддерживается в относительной устойчивости только благодаря усилиям очередного Творца. Рано или поздно Творец ослабевает, в «щели» Мироздания проникает Хаос, и наступает пора перемен, конец Эона, конец космического цикла. В домене, давшем жизнь человеческой расе, конец этого цикла ознаменован был появлением нагуалей. Стенки, охватившие гигантский кусок домена с «колючками» нагуалей, означали ожидание. По идее ученого, предложившего эту концепцию, в космос, заросший чужими Законами, должен был прийти новый демиург, чтобы приспособить его для своих целей. Останется ли в этом измененном космосе место для человечества, ученый не знал. Этим ученым был Иштван Кара, согласившийся войти в семью пограничников и поработать вдали от центра земной цивилизации, на заставе «Сокол», расположенной всего в тридцати днях полета со световой скоростью от одной из Стенок Космориума.

Это была именно семья, а не коллектив единомышленников и сотрудников, работающих над одной проблемой. Со времени катастрофы земное человечество (не считая интраморфов), чтобы выжить, сохранить себя как вид, перепробовало множество способов социальной организации, и одной из оптимальных ячеек нового общества считалась семья из семи человек: четверо мужчин — три женщины или четверо женщин — трое мужчин. Получалась группа из «семи Я» — семья, дружная и достаточно прочная, смена партнеров в которой чередовалась с периодическим воздержанием, стимулирующим творческие процессы. Иштван Кара до этого уже жил семейной жизнью, но в семье из четырех партнеров, и не особенно огорчился, когда его вежливо попросили подыскать другой семейный очаг: он слишком много времени отдавал своим теоретическим исследованиям. В семье из семи человек его отношение к «супружеским» обязанностям оказалось достаточно приемлемым, и он остался на погранзаставе, почти счастливый от того, что мо-

жет большую часть времени отдавать работе, научному поиску и наблюдениям за космосом.

Конечно, на Земле существовали семьи не только из семи или восьми членов, но и меньшие по количеству, в том числе — всего из двух партнеров. Но такие семьи были редкими и воспринимались остальным человечеством с неодобрением, хотя времена стадного выживания прошли, можно было уже не следить за сохранением численности человеческой популяции любой ценой. Но самым интересным фактом при этом оказался отказ цивилизации от гаремно-племенного образа жизни, казалось бы, гарантирующего быстрый рост населения и защиту от сурового натиска хаоса. Регионы Геи, где люди попытались жить «по рекомендациям Аллаха», быстрее других приходили в упадок, природа всего за две сотни лет едва не сбросила эти этносы в фауну, убедившись в тупиковости создаваемых культур. Дальше всех в развитии вырвались вперед регионы, лидеры которых исповедовали принцип эгрегорного мышления, собирая под свое крыло не просто переселившиеся группы, кланы и касты, но колонии единомышленников и единоверцев, сознание которых можно было перевести на уровень монады, то есть объединить всех в единое поле разума для решения той или иной задачи, и самой оптимальной ячейкой такого монадно-эгрегорного общества оказалась семья из семи человек.

Иштван Кара был уроженцем одной из малых колоний, предками обитателей которой были венгры, образование же он получил в Первом Геянском университете, созданном на базе двух земных университетов старого времени — Гарвардского и Московского. Второй Геянский университет был «синтезирован» из Кембриджского и Сорбоннского университетов, с трудом переживших межзвездную эвакуацию.

Закончив обучение, Иштван остался в метрополии, то есть в столице, Центральном Номе Геи, и вскоре вышел в лидеры психофизических исследований, поставив целью решить задачу нейтрализации нагуалей. К тридцати годам ему удалось разработать кое-какие частные проблемы, сопутствующие проблеме Великого Ничто, теперь же вдали от больших коллективов он надеялся окончательно сбросить с «колючек» чужих Законов покрывало тайны.

Погранзастава «Сокол» обладала отличным компьютерным комплексом типа «Умник». Наличие недалеко от станции предмета исследований — нагуаль торчал из каменистой расщелины

буквально в сотне метров от пирамиды заставы, — комфортная обстановка, внимательные партнеры — все это как нельзя лучше подходило для решения поставленной задачи. Иштван верил, что его имя скоро станет известно всему миру.

Что-то изменилось под куполом визинга.

Иштван не сразу вышел из состояния грез, взгляделся в алую вуаль Стенки Космориума и только спустя какое-то время понял, что вуаль на мгновение усилила свечение.

— Миша, — позвал он первого мужа семьи, дежурившего в обсерватории, — мне показалось, что Стенка мигнула...

— Тебе не показалось, — перебил его Миклий Терлич, — изменились граничные параметры всей контролируемой нами зоны.

— Но до Стенки тридцать светодней, я не мог...

— Ты личинка интраморфа в стадии роста и чувствуешь торсионные всплески. Стенка приблизилась к станции на световую минуту. Давай ко мне, пообщаемся с «Умником» вместе.

Иштван бросил последний взгляд на вуаль Стенки, встал на квадрат лифта, и автоматика станции за минуту доставила его к обсерватории, занимавшей один из углов пирамидального тела заставы и представлявшей собой единый квазиживой организм, в который входила самая совершенная аппаратура СКП — службы контроля за пространством, какую когда-либо создавали люди. Правда, создавалась эта аппаратура около тысячи лет назад, когда человечество еще было в состоянии тратить гигантские средства на разработку сложных технических систем. Но предки свое дело знали, и техника исправно служила их потомкам по сей день.

В состав систем обсерватории входили волновые телескопы, способные разглядеть зажженную свечу на расстоянии в сто парсеков, датчики частиц и полей, локаторы, нейтринные сканеры, фотоумножители, синтезаторы изображения, звукоуловители (вакуум, как оказалось, отнюдь не синоним слова пустота и способен проводить и реагировать на звуки) и структурные лингвистические преобразователи, поэтому она могла поймать и выделить из естественных шумов космоса любой полезный сигнал, но главной ее задачей была задача слежения за Стенкой Космориума и анализ граничных процессов отгороженной Конструктором части Метагалактики. Однако соблюдалось это правило далеко не всеми погранзаставами. Многие из них давно прекратили контакты с родиной, перешли на самообслуживание, многие использовались не по назначению, некоторые стали базами отделившихся от общества анархистских колоний и сект, прибежищем самых настоящих бан-

дитов и отщепенцев, а те, что еще оставались нервными окончаниями некогда могучей человеческой цивилизации, функционировали через пень-колоду.

К заставе, однако, где поселилась семья Иштвана, это не относилось в полной мере, но из семи человек персонала станции лишь двое были пограничниками: молодой, энергичный, сильный Тэд Джордан, олицетворявший силы охраны заставы, и Миклий Терлич, старший из мужчин семьи. Они стали погранслужашими по наследству. Правда, пограничная служба землян за тысячу лет после Катастрофы тоже претерпела изменения и уже не претендовала на роль первой защитной линии цивилизации. Теперь это была просто служба контроля за космосом, заросшим «лесом» нагуалей, а не гибкая оперативная система, как раньше, мгновенно реагирующая на внезапное появление внешней опасности. Поговаривали о возрождении пограничной службы в полном объеме, однако слухи пока оставались слухами.

Лифт высадил Иштвана перед входом в обсерваторию, диафрагма люка разошлась лепестками, открывая двухметровый овал входа, и он вбежал в операционный зал с тремя коконкреслами, в одном из которых торчала голова Миклия Терлича.

— Стенка приближается, — сообщил он, не глядя на Иштвана. — Я сначала подумал, что это дернулся к ней наш планетоид, один или вместе с Верой (Верой они называли центральную звезду системы), но «Умник» утверждает, что сдвинулась сама Стенка. И продолжает приближаться.

Иштван устроился в соседнем коконе, включился в комплекс полного контакта с обсерваторией и бегло просмотрел данные анализа обстановки. Через минуту он убедился, что Миклий прав: Стенка Космориума, простоявшая десять веков в абсолютной неподвижности (относительно соседних звезд и галактик), действительно приблизилась к погранзаставе на несколько световых минут и продолжала сокращать расстояние между собой и Верой.

Иштван посмотрел на Миклия и встретил его мрачный взгляд.

— Если Стенка будет и дальше нестись к нам в том же темпе, через двадцать дней она снесет Веру, планету и заставу. Что это еще за напасть, как ты думаешь?

— Не знаю.

— Ты же ученый, физик-универсалист.

— Я не занимался проблемами Абсолютов.

— Чем?